

Ростовская СТАРИНА

Выпуск № 31 (200)

Март, 2025

Газета

Государственного

музея-заповедника

«Ростовский кремль»

Ростов Великий в великой России! Проект Андрея Александровича Титова

28 декабря 2024 года Президент России В. В. Путин подписал закон о переименовании Ростова в Ростов Великий. Произошло юридическое закрепление традиционного названия города, которое обособилось в культурном обиходе ростовцев и всех россиян на протяжении истории. Убедительное стремление утвердить за своим городом это название горожане проявили в ходе общественного опроса: около 14 тысяч человек проголосовали за Ростов Великий.

19 января 2025 года в Ростове Великом прошли торжественные мероприятия по случаю переименования города. В них принял участие губернатор Ярославской области Михаил Евраев, депутаты Ярославской областной Думы. Глава региона поздравил ростовцев на Соборной площади, где для горожан состоялся большой праздник.

В Гостином дворе состоялся прием делегации представителей городов Золотого кольца России. В программе торжества прозвучало выступление сотрудника Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль», кандидата исторических наук Ярослава Смирнова. Представляем вниманию читателей «Ростовской старины» стенограмму этого выступления.

Уважаемый Михаил Яковлевич! Уважаемые коллеги, друзья!

Позвольте мне также приветствовать и поздравить вас с большим праздником – с поистине историческим событием не только в масштабах нашего региона, а и всей России – законодательным утверждением появления на карте страны имени Ростов Великий. Один из старейших городов нашей Отчизны, древнейший духовный и культурный центр с более чем тысячелетней историей, отныне по праву будет носить это звучное и гордое имя.

Я благодарю Андрея Валентиновича Шатского и Сергея Владимировича Тихомирова, отцов города (как в старину говорили), которые доверили мне в столь символически знаменательный день – Крещенский, познакомиться с историей вопроса бытования культурного бренда «Ростов Великий». Эта история, в конечном итоге, и привела к его утверждению на высшем государственном уровне в качестве официального названия города.

Неординарное событие, безусловно, еще требует своего детального осмысления. Важно, что оно знаменует глубинное чувство ростовцев своей сопричастности к истории города с великим прошлым. Не случайно вопрос о переименовании города, поднятый чуткими к общественному мнению властями, получил такую беспрецедентно высокую поддержку со стороны горожан. Это голосование было подобно народному вече, определившему дальнейшую судьбу города: имя Ростов Великий, безусловно, ко многому обязывает.

Но ведь точно такое самоощущение у ростовцев было и в далеком прошлом. Подписание нашим Президентом под занавес ушедшего года закона о переименовании города мне напомнило один малоизвестный исторический факт.

Летом 1886 года супруга ростовского купца и историка Андрея Александровича Титова – Надежда Александровна – сообщила мужу на Нижегородскую ярмарку о некоторых новостях местной жизни и, в частности, о своем пребывании в Ярославле: «Мы ездили в субботу

на Толгу, в воскресенье приехал к Ване губернатор, и звал меня в сад, в понедельник в шесть часов [мы] отправились к нему, прелестной у него сад... ели мороженое, он оставлял пить чай...». А следом, за чередой бытовых подробностей, очень важное свидетельство: «... он (т.е. губернатор) хотел тебе писать, что разрешено монаршей милостью Ростов именовать Великим»...

Конечно, для понимания значения этой, казалось бы, случайной фразы важны действующие лица, обстоятельства и контекст, в которых проявилась эта нетривиальная информация.

«Ваня» – это Иван Александрович Вахромеев (чьей родной сестрой была Надежда Александровна) – купец-промышленник, ярославский городской голова, виднейший общественный деятель, меценат, любитель старины.

«Губернатор» – это Владимир Дмитриевич Левшин, чья деятельность по поддержке ростовских энтузиастов по возрождению Ростовского кремля и созданию здесь

музея была едва ли не самой заметной в его административной биографии. Эта замечательная история отражена в переписке (а это сотни корреспонденций, еще не опубликованных) ярославского губернатора Левшина с основателями музея – купцами Титовым и Шляковым.

Безусловно, в центре обстоятельств сообщения – фигура императора Александра III, который при свидании в Петербурге с ярославским губернатором изъясил свою «милость Ростов именовать Великим».

Всего лишь штрих, почти обрывок документальных сведений, но сколько здесь информации про исторические смыслы! Это вполне ясное и определенное свидетельство того, как в XIX веке ростовцы добивались присвоения высшей властью их городу статуса «Великий». И главную роль в этом движении, безусловно, играл тот, кому была адресована эта весть – Андрей Александрович Титов.

Современники отзывались: «Это был натуральный самородок, явление в русской жизни незаурядное». Выходец из среды талантливого, предприимчивого «ярославского народца» (как в прошлом говорили обо всех уроженцах Ярославской губернии), Титов смог воплотиться не только как торговец и предприниматель, но и во многих других сферах общественной, культурной и научной жизни. Его талантливая и удивительно деятельная натура у всех, кто его знал, вызвала восхищение.

Он родился в Ростове на Покровской улице, получил домашнее образование, но стал известен на всю Россию как крупнейший историк и археограф русской провинции. Научное наследие Титова огромно – оно насчитывает более 700 публикаций на темы истории его родного Ростовского края, Ярославской губернии, других регионов России. Среди его трудов – сотни томов

книг, статей, документальных публикаций, которые и ныне служат российской науке и просвещению.

Собранная Титовым здесь, в Ростове, коллекция старинных манускриптов насчитывала более 5 тысяч рукописных книг и являлась самой крупной частной коллекцией в России. Еще при жизни он пожертвовал ее государству – Императорской публичной библиотеке в Санкт-Петербурге, ныне это Российская национальная библиотека. И по сей день знаменитая титовская коллекция хранится в отделе рукописей этой библиотеки, причем, в специальной 4-метровых шкафах, предварительно построенных Титовым. Они также являются своеобразным памятником его широчайшей культурной деятельности.

Именно Титову в начале 1880-х годов приходит счастливая мысль о полномасштабном восстановлении Ростовского кремля, до того на протяжении более столетия приходившего в упадок под угрозой окончательного исчезновения. В отреставрированной Белой палате в 1883 году появился музей. Все эти начинания Титова получили полную поддержку в лице крупнейших ученых своего времени – графа Уварова, председателя Императорского Московского археологического общества, историков Забелина, Иловайского, Ключевского и многих других (с которыми он вел активную переписку).

Одновременно с процессом восстановления буквально из руин Ростовского кремля, – как все тогда смогли убедиться – настоящей жемчужины древнерусской архитектуры, – Титов направил свои интеллектуальные усилия на распространение и поддержку в обществе интереса к замечательным ростовским древностям. В местной и центральной печати появляются его многочисленные популярные и научные публикации. Именно тогда и происходит рождение, говоря современным языком,

историко-культурного бренда «Ростов Великий».

Начинающий в ту пору историк, Титов, безусловно, стремился опереться на авторитеты в историографии. Впервые эпитет «Великий» в отношении Ростова появился в книге графа М. В. Толстого «Древние святыни Ростова Великого», изданной в 1847 году. Позже в свет появятся еще два издания этого труда – в 1860 и 1866 году. Обоснование имени города Ростов Великий, до того не бывшем в употреблении, автор дал тут же, в первом кратком примечании. Историк сослался на Ипатьевскую летопись, где под 1151 годом звучное словосочетание возникает в контексте характеристики размеров города – территориально большого, обширного. Именно так следует интерпретировать зафиксированное летописью обращение к князю Юрию Долгорукому: «А онома у тебя Ростов великий».

Впервые после книги Толстого названием «Ростов Великий» Титов воспользовался в «Путеводителе» по городу, изданном весной 1883 года. Примечательно, что к этому времени ростовский историк уже успел выпустить целый ряд изданий, посвященных прошлому и документальным памятникам Ростова, и ни в одном из них город не именовался Великим. Причем, уже на титульном листе книги, адресованной путешественникам, Титову пришлось объясняться, что Ростов Великий – это г. Ростов Ярославской губернии.

Поводом же появления «Путеводителя» послужила с размахом идущая реставрация Ростовского кремля и близкое рождение музея (что и произошло 28 октября того же года). Именно в это время уездный Ростов преобразился, обрел свои новые смыслы – города с великой историей и великими памятниками. «Путеводитель» Титова, по сути, явился своеобразным проводником в «Ростов Великий».

Продолжение – на 2-й стр.

Губернатор Ярославской области М. Я. Евраев и участники торжества в Гостином дворе Ростова Великого по случаю переименования города. 19 января 2025 г.

Ростов Великий в великой России! Проект Андрея Александровича Титова

Продолжение. Начало – на 1-й стр.

Звучное имя города, многократно повторенное трудами Титова, а вслед за ним – публикациями многих краеведов и самых авторитетных историков конца XIX – начала XX века, прочно вошло в историографический и общественный обиход. Рождение и закрепление культурно-исторического, неофициального названия города, как его своеобразного символа, демонстрирующего великое прошлое исторического города, тесно связано с археологической романтикой конца XIX века. Однако же, следует заметить, что в дореволюционной России официальное название города оставалось прежним: г. Ростов Ярославской губернии.

Тем знаменательней тот факт, что уже в советское время незабытое имя «Ростов Великий» было с такой естественной легкостью подхвачено в рамках всесоюзного туристического проекта «Золотое кольцо», рожденного в конце 1960-х годов. Ростов Великий как подлинная жемчужина русской истории был вплетен в венок старинных городов Центральной России. Удивительно, что живая связь с этими замечательными городами, основанная на огромном интересе к их истории и древностям, ранее уже была воплощена в научной и просветительской деятельности ростовского историка Титова.

Позвольте кратко сообщить об этих культурных связях, особенно ввиду присутствия на нашем торжестве представителей городов Золотого кольца.

В Сергиевом Посаде жил граф Михаил Владимирович Толстой, который создали Ростовского музея почтили первым историографом Ростова Великого. Здесь же

находилась семейная типография Снегиревых, где были напечатаны десятки книг и брошюр ростовского историка Титова.

Путешествию в Переславль-Залесский и описанию его архитектурных достопримечательностей Титов посвятил свою книгу «От Ростова-Ярославского до Переславля-Залесского» (1884), отельными изданиями археограф опубликовал несколько редчайших синодиков переславских монастырей. Близким было общение ростовца с переславским историком, священником Александром Свирелиным, с которым вел многолетнюю переписку.

Более двадцати публикаций Титова посвящены истории Костромы и Костромского края. Он состоял членом Костромской губернской ученой архивной комиссии, переписывался с ее деятелями, был участником Костромского областного историко-археологического съезда (1909). Особой была роль Титова в сбережении архивного наследия знаменитого историка из уездной Нерехты протоиерея Михаила Яковлевича Диева.

Историкам церкви хорошо известна документальная публикация Титова, посвященная представителям суздальской иерархии (1892).

Известный владимирский историк Алексей Васильевич Селиванов, с которым Титов состоял в продолжительной переписке, так по-дружески и с шуткой отзывался о неутомимой научной деятельности ростовца: «Вы печете свои издания как блины. Не успеваю я благодарить Вас».

Тесным было общение Титова с Дмитрием Геннадьевичем Бурлиным – видным иваново-вознесенским фабрикантом, меценатом и коллекционером.

Нет особой надобности в данном контексте говорить о тесных связях Титова с Ярославлем и его деятелями. Упомяну лишь о его дружбе и научных контактах с Иваном Александровичем Вахромеевым – его шурином. Кстати, вслед за ростовским путеводителем в том же 1883 году появился путеводитель по Ярославлю, составленный Титовым и изданный на средства Вахромеева. Оба являлись членами-основателями Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Крупное рукописное собрание Вахромеева, инициатором составления которого был Титов, ныне хранится в Государственном историческом музее в Москве, завещанное владельцем и поступившее туда при посредничестве Титова.

Москва открыла ростовскому купцу Титову путь в большую науку. Здесь на Берсеневской набережной и по сей день стоит прекрасный памятник XVII столетия – палаты Аверкия Кириллова, где размещалось Московское археологическое общество, сыгравшее столь важную роль в судьбе Ростовского кремля. Символично, что в настоящее время здесь располагается Институт культурного наследия имени академика Д.С. Лихачева. Дмитрий Сергеевич высоко ценил документальное наследие, заключенное в рукописном собрании Титова в Российской национальной библиотеке, и не раз к нему обращался как исследователь.

Связи ростовского купца и историка Титова с деловой, научной и культурной Москвой, можно сказать, были неисчислимы.

Благодаря огромной подвижнической памятникоохранительности и просветительской деятельности Титова в общественно-культурный обиход россиян прочно вошло звуч-

ное имя Ростов Великий. Плоды трудов талантливого самородка Титова зримо в его наследии – в сотнях историко-документальных публикаций, сохранных рукописных и архитектурных памятниках, самый значительный из которых – Ростовский кремль.

Сегодня к этому наследию мы можем причислить и имя города Ростов Великий, ставшее памятником нематериального культурного наследия. В полном смысле великим хранителем истории, а значит, благополучным и ценным в современности, мечтал видеть свой город его горячий патриот Титов.

В 2021 году музей-заповедник «Ростовский кремль» выступил с инициативой, тогда же поддержанной губернатором Михаилом Яковлевичем Евраевым, создания в родовом доме купца и историка на Покровской улице музейного центра. Такой музей может стать музеем наследия Титова, музеем сохранения исторической памяти, лабораторией изучения национальной и региональной идентичности, музеем воспитания отечественной историей.

28 октября 2024 года, в юбилейную дату 180-летия со дня рождения Титова, благодаря поддержке главы района Андрея Валентиновича Шатского, представители широкой общественности впервые смогли собраться в доме историка, чтобы почтить память великого уроженца Ростова Великого. Глава города Сергей Владимирович Тихомиров выступил с инициативой назвать один из скверов или улицу в городе именем Андрея Александровича Титова.

В этом же ряду еще одна инициатива городского головы – создание памятника ростовскому граждани-

ну. Сегодня мы имеем возможность впервые представить эскиз будущего памятника, автором которого выступил молодой московский скульптор Андрей Следков.

Скульптурная группа воплощает А.А. Титова, идущего по Ростову в окружении детей, которых он одаривает конфетами. Известно, что карманы Титова всегда были полны сладостями для раздачи уличной детворе. Конфеты в руках юных ростовцев – это символ эстафеты человеческой доброты, передачи новым поколениям горожан любви к родному прошлому и колоссальных знаний о нем. Это символ сохранения нашего духовного и историко-культурного наследия. Величие Титова заключалось в той простоте, с какой он «творил великие дела».

Прошлое Ростова Великого вписано золотыми буквами в историю великой России. И в этом огромная заслуга, в немалой степени, его главного историографа – Андрея Титова. Нет сомнения, что музей его имени рано или поздно обретет свой дом, в том числе и благодаря поддержке единомышленников и друзей в этом зале. Точно так, как когда-то созданный Титовым и его соратниками музей обрел свой дом в спасенном для будущих поколений Ростовском кремле.

Сегодня в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль» эстафету сохранения и изучения культурно-исторического наследия продолжают новые поколения музейщиков. Многие из них расценивают присвоение городу имени Ростова Великого и как дань памяти его выдающемуся гражданину – Андрею Александровичу Титову.

Благодарю за внимание!

Ярослав Смирнов

Московские адреса Титовых

Доходный дом Титовых в Газетном переулке

Когда Валентина Александровна Пеллиссье-Танон, внучка ростовского купца и историка Андрея Александровича Титова, впервые после отъезда семьи в эмиграцию решила приехать в Россию, она больше всего хотела увидеть два дома – родовое гнездо Титовых в Ростове Великом и семейный доходный дом в Москве. В первом, что на ростовской Покровской улице, родился ее отец – Александр Андреевич Титов, ученый-химик, видный деятель русской эмиграции во Франции. Во втором, что в Газетном переулке в Москве, родилась она. Именно отсюда в 1917 году маленькой девочкой ее увезли сначала на Юг

России – в Ростов-на-Дону, а затем в эмиграцию – в Париж.

В своих мемуарах, изданных во Франции в 2014 году, когда Валентине Александровне было уже 100 лет, она вспоминала об этой своей мечте и ту поездку в Россию летом 1999 года: «Я родилась в конце августа 1914 года в Москве в Газетном переулке. Пока я гостила у Анны, посла Канады в России, я часто гуляла по улицам района, пытаясь вызвать воспоминания моих первых лет жизни: запах или образ, но все безрезультатно. Номера дома я не помнила и сфотографировалась на крыльце двух старинных домов по нечетной стороне улицы. Мой брат Саша говорил о доме номер три, но это оказался большой дом в пять этажей, нелепо и слишком современно смотревшийся среди старинных низких родовых домов по соседству с Кремлевской стеной».

В отличие от ростовского дома Титовых, в котором Валентина Александровна в тот памятный приезд на родину своих предков побывала, будучи окруженная заботой и вниманием сотрудников «Ростовского кремля», титовский дом в Газетном переулке она не признала. Еще бы, столько времени утекло с тех революционных пор! Пытаясь уловить «запах или образ» своего детства в старинном московском переулке, она интуитивно выбрала эти невеликие «родовые дома», которые напомнили ей особняк ее деда в Ростове, где, конечно, не раз бывала еще ребенком. Я вспоминаю, как она показывала мне в Париже эти фотографии, где была запечатлена у флигеля дома Яньковых первой половины XVIII века, а в перспективе, в сторону Большой Никитской, виднелся длинный фасад дома № 3. Именно это строение до революции и принадлежало ростовцам Титовым (ил. 1).

Продолжая свой мемуарный рассказ, Валентина Александровна писала в книге воспоминаний: «В Париж я вернулась ни с чем. Уже позднее я узнала из найденного письма отца, что я действительно родилась в одной из квартир этого пятиэтажного дома под номером три, только что построенного в то время. В отрочестве у брата Юры, который был младше меня на два с половиной года, начались жуткие кошмары. Ему снилось, что он тонет в море крови, и он с криком просыпался. Психиатр, к которому его отвели, спросил у мамы, не было ли у ребенка в первые годы жизни психической травмы. И тут мама вспомнила, как в Москве во время Октябрьской революции на улицах нашего района шли жестокие бои. Однажды, прибежав на крики из нашей комнаты, мать увидела няню с моим братом на руках у открытого окна, кричавшую:

– Сколько крови! Какой ужас, везде кровь! Улица была завалена окровавленными телами. Благодаря тому, что мама вспомнила об этом происшествии, брата смогли вылечить. Услышав эту историю, я спросила, а где же была я, ведь я совершенно ничего из этого не помню. Мать рассказала, что я играла с куклами в противоположном конце большой детской комнаты и даже не слышала криков. Скорей всего, именно это событие и толкнуло отца отослать всю семью в Ростов-на-Дону».

Об этой трагедии в Газетном переулке Валентина Александровна рассказала мне при нашей новой встрече в мае 2000 года – уже в Париже. К тому времени дом № 3 мне был хорошо известен: он фигурирует в архивных письмах Александра Титова из Москвы к отцу в Ростов. Некоторые из них я процитировал Валентине Александровне в нашей переписке. И рассказал о своих впечатлениях от встречи с этим московским домом: в ту пору его украшала броская вывеска находившегося здесь анти-

кварного салона – «Престиж Парижа!» А по соседству был дом, в одной из квартир которого располагалось издательство «Русский путь», где думалось опубликовать книгу о Титовых «на других берегах».

Позднее Валентина Александровна неожиданно обнаружил продолжение рукописи воспоминаний своего отца, первую часть которых прислала мне еще летом 1999 года. В записях, сделанных в августе 1958 года, Александр Андреевич Титов также вспоминал трагедию 1917 года: «Вскоре после октябрьского переворота, который мы пережили в Москве – на самом фронте боев: я жил в № 3 Газетного переулка, который был в районе юнкеров Александровского училища, а соседний дом № 5 был занят большевиками. С угла Никитской и Кисловки юнкера стреляли по переулку, и даже раз выстрелили из орудия, благодаря чему в моем пятиэтажном доме вылетела половина стекол из окон, выходящих на переулочек. При этих условиях оставаться семейству в Москве было невозможно, особенно в виду угрожающего недостатка продовольствия и топлива, и я отправил Марию Петровну с двумя детьми – Валентиной 3-х лет и Юрой – 7 месяцев – в Ростов-на-Дону, где жили все ее братья и сестры».

В другом фрагменте мемуаров Александр Титов запечатлел случай, относящийся уже к 1918 году и свидетельствующий о той политической роли, которую он играл в этот переломный период российской истории. Алексей Васильевич Пешехонов, о котором пойдет речь, известный экономист, один из создателей Народно-социалистической партии, во Временном правительстве А.Ф. Керенского возглавлял министерство продовольствия, а его соратник по партии – Александр Андреевич Титов – являлся заместителем, как тогда говорили – «товарищем министра».

Продолжение – на 3-й стр.

Ил. 1. Бывший доходный дом Титовых в Газетном переулке. Фото Я. Е. Смирнова, февраль 2025 г.

Доходный дом Титовых в Газетном переулке

Продолжение. Начало – на 2-й стр.

Ил. 2. Газетный переулочек – вид от Большой Никитской улицы. Слева – доходный дом Титовых. Фотография А. А. Губарева. 1913 г. ГИМ

А. А. Титов вспоминал: «Жил на моей квартире и А. В. Пешехонов, приехавший незадолго до моего отъезда. Кажется, Ушков (а, может быть, и Толстой) рассказал мне, как производился обыск на моей квартире. Явились рано утром, когда все еще спали. Наш служитель Федор (найденный Ушковым) открыл на звонок. «Где Титов?» – «Он в отъезде, где именно, не знаю». Тогда пошли шарить по шкафам и письменным столам. Взяли телеграмму, которая была послана мне, как представителю Московского исполнительного комитета, официально извещавшая комитет об отречении государя. Затем пошли по спальням. Толстой и Ушков назвали себя и объяснили, чем занимаются. А Пешехонова, который вышел к ним в одном белье, заспанный, они и спрашивать не стали: «Нам этого старика не нужно, мы ищем Титова». Так совсем благополучно прошло это вторжение в мою квартиру».

Газетный переулочек расположен в самом центре Москвы, он тянется от Большой Никитской улицы до Тверской. За нею идет его продолжение – Камергерский переулочек (на старых открытках так и писали – Камергерский-Газетный). Не случайно Валентина Александровна отмечала его близкое соседство «с Кремлевской стеной», – отсюда до Московского Кремля рукой подать. Свое название переулочек получил в XVIII веке по находившейся здесь типографии Московского университета, в которой печаталась одна из старейших в России газет «Московские ведомости». Немало ярких страниц истории газеты связано с именем выдающегося российского издателя и просветителя Н. И. Новикова. Типография и ее лавка в 1789–1811 годах располагались в здании университетского благородного пансиона, где учились В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов. Сейчас на этом месте стоит здание Центрального телеграфа, характерным полукружьем смотрящего на Тверскую улицу.

Писатели разных эпох запечатлели Газетный переулочек: тут действуют герои произведений И. И. Лажечникова, А. Ф. Писемского, Л. Н. Толстого, В. А. Гиляровского, М. А. Булгакова и других. В раннее советское время переулочек был переименован в память поэта и публициста Николая Огарева (так назывался с 1920 по 1993 год), ближайшего друга писателя и критика самодержавия Александра Герцена, имя которого тогда же было присвоено соседней Большой Никитской улице. В памяти многих почитателей советского кино остается остро сюжетный детективный фильм «Огарева, 6» (1980) с Василием Лановым в главной роли, снятый по одноименной повести Юлиана Семенова. В то время по этому адресу располагалось Управление МВД СССР.

На протяжении истории, в том числе последнего столетия, в Газетном переулочке жили и работали многие известные и выдающиеся люди. Кооперативный дом актеров 2-го МХАТа, № 1, получивший название «Сверчок» (по ро-

ману Чарльза Диккенса «Сверчок на печи»), тот самый, где ютился офис издательства «Русский путь», помнит имена замечательных артистов – Ольги Андровской, Серафимы Бирман, Аллы Тарасовой, Михаила Кедрова, Ильи Судакова, Михаила Тарханова, знаменитого хорового дирижера Александра Свешникова и других. В доме № 5, о котором упоминает в мемуарах А. А. Титов, с 1990 года располагается Институт экономики переходного периода, созданный экономистом и реформатором постсоветской эпохи Егором Гайдаром. Сейчас в здании Института экономической политики имени Т. Е. Гайдара открыт и кабинет-музей его основателя. Кооперативный дом Союза композиторов СССР, № 13, который стали называть «Домом 100 роялей», был построен по инициативе Исаака Дунаевского и по распоряжению И. В. Сталина. В разное время здесь соседствовали композиторы Дмитрий Шостакович, Арам Хачатурян, Матвей Блантер, Людмила Лядова, Арно Бабаджанян, Эдуард Колмановский, Серафим Туликов, Оскар Фельцман, Тихон Хренников, скрипач Леонид Коган, виолончелист Мстислав Растропович и его жена певица Галина Вишневская. Многим из этих славных имен отечественного музыкального искусства посвящены мемориальные доски.

Дом № 3 в Газетном переулочке был построен в 1875 году по проекту архитектора А. О. Вивьена. По сведениям московеда Сергея Романюка, владение под домами №№ 3 и 5 в конце XVIII века принадлежало князю А. М. Голицыну. В центре обширного участка тогда стоял трехэтажный княжеский дворец, вошедший в «Альбом партикулярных строений», составленный архитектором Матвеем Казаковым. Большая часть строения того времени, однако, была уничтожена пожарами, в том числе и в 1812 году. На месте бывшей голицынской усадьбы уже в конце XIX века были выстроены доходные дома.

До приобретения в начале 1908 года Титовыми дома № 3 он принадлежал известным московским домовладельцам Толмачевым – отставному генерал-майору Владимиру Афанасьевичу, его жене Александре Герасимовне и их сыну Сергею Владимировичу (с последним Титовы и вели дело о покупке). Примечателен еще один московский доходный дом А. Г. Толмачевой – в самом начале Камергерского переулочка, № 6. В этом красивейшем здании в 1920-е годы находилось знаменитое артистическое кафе «Десятая муза», где бывали Маяковский, Брюсов, Бурлюк, Есенин, Мариенгоф, Эренбург. Часть здания сохранилась и поныне – сейчас здесь размещается Школа-студия МХАТ, а непосредственно к строению примыкает легендарный МХТ имени А. П. Чехова.

Александр Андреевич Титов со своей первой семьей – женой Беатрисой и дочкой Зиной – обосновался в Москве в начале 1904 года сразу после возвращения из Германии, где защитил диссертацию по физической химии

со степенью доктора философии. Первым адресом проживания Титовых был Столовый переулочек, № 4, что у Никитских ворот. В том же году началась преподавательская деятельность Александра Титова в Московском университете, одновременно он стал директором-распорядителем Товарищества циклоного производства «И. А. Вахромеев и К^о» в родном Ростове. Семейные доходы все более располагали ко вложению в надежную недвижимость в Москве, а предпринимательский дух уже требовал новых горизонтов.

Из переписки Александра Титова с отцом выясняется, что именно он вел все дела по приобретению дома в Газетном переулочке: «Дело очень верное. Я осматривал со специалистом, он говорит, что спокойно можно дать до 100 тысяч рублей, площадь земли 1115 квадратных саженей в центре города, 4-х этажные корпуса покоем», – сообщил сын Андрею Александровичу в декабре 1907 года. А уже в начале февраля 1908 года сделка состоялась, за доходный дом было уплачено 67 тысяч рублей. Александр тогда писал отцу: «Вообще я все больше убеждаюсь, что покупка весьма выгодная. Во владение введусь, вероятно, через неделю...».

Знаменитый сытинский справочник «Вся Москва» ежегодно, начиная с 1909 года, сообщал о доме № 3 в Газетном переулочке: «Титовых Андрея Александровича, действительного статского советника, и Александра Андреевича, доктора философии». Причем, Андрей Александрович всегда упоминался и после кончины в 1911 году – вплоть до завершения выхода издания в 1918 году. Да и сам доходный дом в ту пору был уже национализирован.

Удалось разыскать редкую дореволюционную фотографию с изображением этого дома, когда им владели ростовцы Титовы (ил. 2). Снимок был сделан в 1913 году Александром Александровичем Губаревым, замечательным непрофессиональным фотографом и москвоведом, посвятившим себя созданию фототеки с уходящей природы Москвы. В числе нескольких тысяч снимков Губарева эта фотография хранится в Государственном историческом музее, куда их передал фотограф в 1937 году. Изображение запечатлело Газетный переулочек, уходящий в сторону Тверской, очевидно, в летний будничный день: рабочие починают мостовую, дворник наблюдает за их работой, куда-то по своим делам спешат москвичи. В доме № 3, что предстает перед взором зрителя в левой части снимка, несколько окон распахнуто, а его фасад украшен многочисленными вывесками магазинов и контор, тут расположенных: зубной врач, школа пения, «всевозможные рамки, увеличение фотографий»...

Александр Андреевич Титов поселился в одной из квартир своего дома только в 1914 году, когда у него была уже вторая семья. В тот год на свет появилась дочка Валя, она так потом

Ах-ах!

В чем не откажешь музею-заповеднику «Ростовский кремль», так это в умении создавать информационные поводы и сюрпризы. Вчера, 19 февраля 2025 года, у меня был интересный, правда, и весьма загруженный день, а вечером я встретился с Ярославом Евгеньевичем Смирновым, с которым мы говорили, конечно, об Андрее Александровиче Титове. Мы с ним встретились в Шанинке (Московской высшей школе социальных и экономических наук), где обошли внимательно всю библиотеку, посмотрели аудитории, в некоторых из которых шли занятия, а затем сместились во вьетнамское кафе в доме 3. Напомню, что Шанинка располагается в домах 3–5 по Газетному переулочку.

Так вот, уже ближе к концу нашей встречи, Ярослав мне сообщил о своем открытии: в начале XX века семья Титовых приобрела дом 3 по Газетному переулочку, во дворе которого выстроила еще одно доходное здание. Информация стала для меня полной неожиданностью.

Ростовскому музею и лично Ярославу Евгеньевичу не откажешь в умении попадать в символически значимые точки истории. На следующий день я получил уведомление от ИСОМа о Первых Международных днях исторических домов-музеев. Все это подтверждает значимость исторического дома Андрея Александровича Титова в Ростове Великом. Мы движемся в правильном направлении, господа. И у нас теперь есть свой праздник. А близость домов Титова в Ростове и в Москве можно считать важнейшим фактором, влияющим на концепцию использования Дома Титовых.

и писала: «Я родилась в конце августа 1914 года в Москве в Газетном переулочке». Сравнивая парижские квартиры родителей, не раз сменяемые, с московской, она свидетельствовала и об ее расположении в доме: «Возможно, подобное предпочтение у моих родителей осталось еще с московских времен, когда они в Газетном переулочке жили в угловой квартире». Вероятно, квартира находилась с того угла здания, который смотрит на Никитскую улицу и Кисловский переулочек. Причем, надо думать, на 3 или 4 этаже (Александр Титов, вероятно, имел в виду позднее пристроенный корпус во дворе, когда написал о 5-этажном здании): именно оттуда открывался просторный обзор окрестностей, ставших эпицентром трагических событий октября 1917 года.

В разное время в доме № 3 проживали известные люди – музыкант Н. К. Метнер, певица М. А. Дейша-Сионицкая, художник-декоратор театра Зимина А. И. Маторин. Когда здесь жил домовладелец Александр Титов, в доме поселился артист МХТ Михаил Чехов. В 1918 году он создал в своей квартире частную актерскую студию, занятия в которой запечатлены в мемуарах его ученицы – известной в советское время мхатовской актрисы и режиссера Марии Осиповны Кнебель. В гостях у М. А. Чехова бывал К. С. Станиславский.

В 1920-е годы в квартире редактора и критика Евдоксии Федоровны Никитиной проходили заседания знаменитого литературного кружка – «Никитинские субботники». Михаил Афанасьевич Булгаков здесь читал свои повести «Записки на манжетках», «Роковые яйца», «Собачье сердце». А первая постановка романа писателя «Белая гвардия» состоялась в 1926 году на сцене МХТ – здесь неподалеку, в продолжение Газетного – Камергерского переулочка. Как известно, декорациями для романа послужили улицы Киева и дом на Андреевском спуске, в котором с детства жил Михаил Булгаков. Примечательно, что начинающий архитектор Николай Гарденин при строительстве этого дома в 1880-х годах был вдохновлен близкой дружбой с купцом и историком А. А. Титовым и его родовым домом в Ростове Великом.

Сегодня в бывшем доходном доме Титовых в Газетном переулочке располагается знаменитая Шанинка – Московская высшая школа социальных и экономических наук. Факультет управления социокультурными проектами широко известен своими выпускниками, в частности, в музейной сфере. И это в истории домов Титовых – новая удивительная параллель! Ростовский дом на Покровской улице являлся своеобразным штабом культурных инициатив, где родилась счастливая мысль о создании музея в Ростовском кремле. Дом Титовых в московском Газетном переулочке продолжает служить делу науки, культуры и просвещения.

Ярослав Смирнов

Ил. 1. Николай Евгеньевич Прянишников в библиотеке Шанинки. Библиотека располагается в надстроенном в советское время 5 этаже дома № 3 по Газетному переулочку. Фото Я. Е. Смирнова, февраль 2025 г.

В ландшафтной архитектуре есть любопытный прием «Ах-ах», обозначающий неожиданно открывшийся прекрасный вид. Именно такая перспектива приоткрылась нам вчера и сегодня! Вперед, господа!

Николай Прянишников, архитектор, профессор Международной академии архитектуры, Москва (МААМ), старший преподаватель Шанинки 20 февраля 2025 г.

Новое о П. Я. Панькове: первые профессиональные шаги будущего губернского архитектора

Петр Яковлевич Паньков (21.12.1771–30.07.1848), творческая деятельность которого пришлась на золотой век архитектуры русского классицизма, является, пожалуй, самым известным ярославским архитектором. Будучи уже зрелым мастером с многолетним стажем работы (о его чертежах ансамбля Ростовского кремля 1818 г. см. статью Я. Е. Смирнова в 27-м выпуске «Ростовской старины»), он занял должность Ярославского губернского архитектора в 1823 году и продолжал свою службу в течение почти 20 лет.

И конечно, его фигура особенно примечательна для Ростова, ведь коллежский асессор

Паньков родился в семье обычного ростовского посадского.

Хотя «открыли» Петра Яковлевича еще в середине XX века, и с тех пор исследователями накоплен о нем существенный багаж знаний, фигура Панькова до сих пор окружена рядом загадок и даже мифов. Например, среди краеведов прочно укоренилась привычка приписывать авторство Панькова любому мало-мальски выдающемуся зданию того времени, что зачастую опровергается при обращении к архивным источникам.

Загадкой остается, как сын столярного мастера мог «своим умом» получить такие

способности в архитектуре. Непонятно, откуда у него интерес к театру: а ведь место нынешнего Волковского театра в Ярославле «застолбил» именно Паньков, в 1820 году выстроивший здесь первое деревянное здание собственного театра, антрепренером которого он был несколько лет.

Ну и самое главное – доподлинно неизвестно, когда именно он переквалифицировался из столяра в архитектора. Наша недавняя находка в Ростовском архиве позволяет пролить немного света на эту загадку.

С конца XVIII века выдачей разрешений на постройку новых домов в Ростове занималось Общее присутствие городничего (начальника полиции) и городского магистрата (суда первой инстанции для лиц городских сословий). В один из июньских дней 1801 года в Общее присутствие поступило сразу несколько прошений от жителей Подозёрки, проживавших в районе нынешних домов №№ 15–17, которые просили построить вместо своих обветшавших домов новые. В это время на всю губернию приходился всего один профессиональный архитектор – губернский, в Ярославле. На местах его функции зачастую исполняли местные уездные землемеры, которые, конечно, имели совершенно иные обязанности, но обладали хотя бы какими-то начатками познаний в архитектуре и умели составлять планы. Однако землемеры постоянно требовались по всему уезду, не говоря о том, что эта отрасль постоянно испытывала кадровый голод.

И как раз в 1801 году место Ростовского уездного землемера было вакантно. Поэтому Общее присутствие обратилось за помощью в Ярославскую губернскую чертежную, направив туда следующее сообщение: «На просимые ростовскими посадскими <...> под постройку каждому по деревянному дому, значущие в прилагаемом при сем чертеже места (если не противно будет Высочайше подтвержденному о строении города Ростова плану), благоволят она чертежная сочинить два плана с фасадами и доставить в сие присутствие непомедля».

В деле имеется как черновая копия этого сообщения с отметкой о том, что подлинник с чертежом взял доставить в Ярославль один из просителей, так и копия чертежа с обозначением участков просителей (ил. 1).

На этой копии имеется следующая надпись: «Под тем подписано тако: сей чертеж сочинил ростовской посадской Петр Павлов». Это и есть никто иной, как Петр Яковлевич Паньков!

Дело в том, что здесь мы обнаруживаем распространенный тогда обычай параллельного существования двух фамилий: собственно фамилии, происходившей от крепостного имени предка человека, и так называемой «уличной» или «прозвищной»

фамилии, происходившей от прозвища того же лица. Можно вспомнить род ростовских купцов Хлебниковых, представители которого в XVIII веке часто писались как «Хлебников и Терентьев», пока в XIX веке окончательно не утвердился один «прозвищный» вариант – «Хлебников». То же самое было и в семье Петра Яковлевича, в записи о рождении и крещении которого указана фамилия «Паньков», однако в списках прихожан, которые составлялись тем же причтом, вся его семья записана как Павловы. Причем эта двойственность сохранялась довольно долго: еще в 1896 году в приходе Вознесенской церкви проживал некий «Александр Ив. Паньков или Павлов».

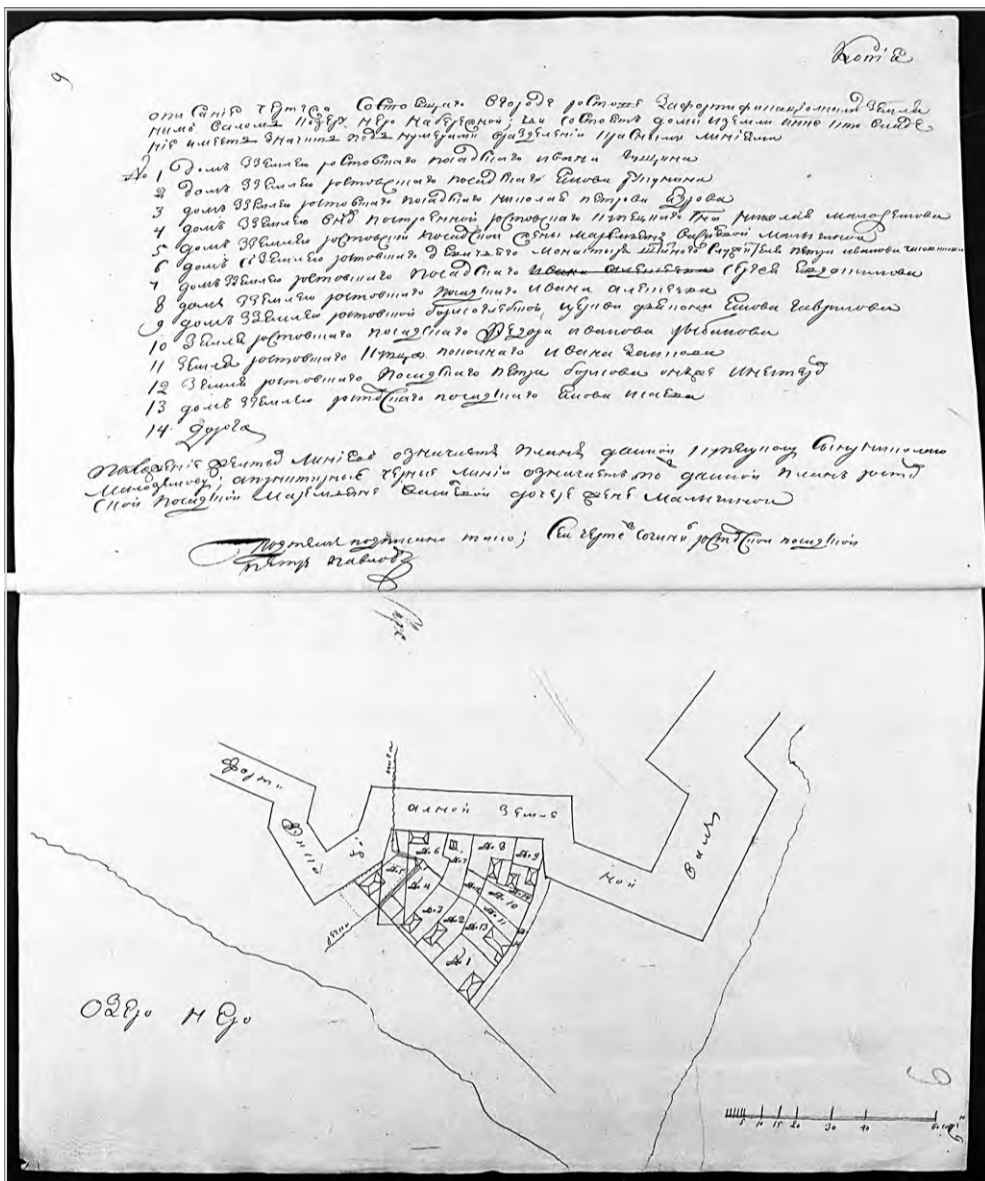
Наконец, когда в 1824 году уже губернский архитектор Паньков будет продавать свой ростовский дом, то в купчей крепости прямо укажет, что земля была приобретена им «в бытность мою ростовским посадским, по отце Павловым».

Прежде самым ранним произведением П. Я. Панькова считались две деревянные галереи павильона, построенные в Ярославле для торжественной встречи генерал-губернатора принца Ольденбургского в 1809 году. Здесь же мы имеем дело с простым планом местности, на котором обозначены существующие постройки и границы участков. Мы не знаем, стояли ли на оригинале подписи членов Общего присутствия: одна только подпись ростовского посадского, не состоящего на государственной службе и не имеющего классного чина, юридически ничтожна. Само ее появление на чертеже объясняется отсутствием в то время штатного землемера: когда весной 1802 года он наконец-то появился, то вся дальнейшая переписка Общего присутствия о составлении планов велась уже с ним.

Там же упоминается, что в 1798 году в Ростове работал уездный землемер Санковский. Очевидно, что речь идет о Петре Васильевиче, сыне знаменитого Василия Демьяновича Санковского. И, уходя уже в область предположений, зададимся вопросом: не мог ли именно он стать первым наставником П. Я. Панькова в архитектуре? Санковский и его преемники могли поручать способному посадскому черновую работу по выполнению чертежей, благодаря которой он получил определенную практику. Он же мог и зародить в Панькове интерес к театру, рассказывая о светской жизни Ярославля при генерал-губернаторе А. П. Мельгунове, активнейшим сотрудником которого был его отец.

Как бы то ни было, перед нами самое раннее на данный момент подлинное документальное свидетельство об архитектурной деятельности Петра Яковлевича Панькова!

Дмитрий Чекмасов

Ил. 1. П. Павлов [П. Я. Паньков]. «Описание чертежа состоящего в городе Ростове за фортификационным земляным валом к озеру Неро набережной...», между 18 июня и 18 июля 1801 года. Копия. РсФ ГАЯО

«Летопись» Василия Ляхоцкого из фондов Ростовского музея

В 2000-е годы в фонды Ростовского музея поступила коллекция документов, принадлежавших архимандриту Валентину (Василию Федоровичу Ляхоцкому) (1873 – после 1937 г. (?)), последнему настоятелю Белогостицкого мужского монастыря (ил. 1). Ее описанием и изучением занималась, в том числе, В. В. Левская (Михеева), которой удалось в общих чертах проследить непростой жизненный путь архимандрита Валентина, потомственного священника, уроженца Киевской губернии. Образование он получил в Холмском духовном училище (ныне – г. Хелм, Польша), а в центральной России оказался в 1901 году после рукоположения в сан иеромонаха. В Ярославской епархии о. Валентин начал служить в 1909 году, когда ее возглавлял архиепископ Тихон (Беллавин) (ил. 2). Среди документов, принадлежавших архимандриту Валентину, уцелел любопытный исторический источник – «Летопись, содержащая

в себе все выдающиеся в окружающей жизни города Холма или вообще тех мест, где я находился» (Р-1181; ил. 3). По сути, «Летопись» представляет собой дневник, поскольку записи автор вел почти ежедневно. Она представляет собой небольшую самодельную тетрадь, исписанную черными чернилами, объемом в 40 листов. Листы тетради сшиты между собой черными нитками; на некоторых листах в верхнем правом углу имеется тисненая печать с изображением двуглавого орла и надписью «Ивана Паскевича».

Начата «Летопись», согласно ее титульной странице, 10 августа 1897 года. Последние описанные в ней события датированы 21 октября 1899 года. В этот период автор – Василий Федорович Ляхоцкий – служил старшим псаломщиком Холмского кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы.

Что интересовало автора «Летописи»? Прежде всего, события,

касающиеся его службы в кафедральном соборе. Так, 7 сентября 1897 года правящий архиерей Холмской и Варшавской епархии архиепископ Флавиан (Городецкий) совершал в Рождественском соборе торжественную литургию. В. Ф. Ляхоцкий записал: «Народа тысяча десять. Всенощная под праздник продолжалась четыре часа». На следующий день, когда вновь в соборе служил архиерей, автор «Летописи» отметил, что ему «сслужили 14 священников», а «народа было так много, что причтовый доход во всех церквах города значительно увеличился». При описании богослужений Ляхоцкий всегда обращал внимание на качество пения, отмечая сильные и слабые стороны хора: «На молебне Холмским архиерейским хором были спеты два концерта: «Господи, сиλου» и «Тебе Бога хвалим». К сожалению, исполнение их вышло не весьма удачно, особенно по недостатке голосов. Басы не могут взять нижнего «фа»».

Если служащие лица – священники или диаконы – допускали какие-либо ошибки, Василий Ляхоцкий обязательно отмечал их в своем дневнике; особенно часто доставалось диаконам и певчим. «Пение хора безобразно: управлял солдат», – записал в дневнике Ляхоцкий после посещения вечерней службы в варшавском кафедральном соборе.

Иногда во время богослужений происходили и необычные происшествия. Так, 3 апреля 1898 года, в Великую пятницу, после выноса плащаницы, во время проповеди, которую произносил ректор Холмской семинарии архимандрит Евлогий (Георгиевский), «умышленно в собор принесена была собака, которая шныряла вокруг плащаницы и между духовенством. Поймать эту гадость едва удалось... <...> Собака была поймана и выпущена, но не лучше ли было придержать такую при полиции и разыскать ее хозяина?!»

Продолжение – на 5-й стр.

Ил. 1. Портрет о. Валентина (Ляхоцкого). Фотография, начало XX в. ГМЗРК

«Летопись» Василия Ляхоцкого из фондов Ростовского музея

Продолжение. Начало – на 4-й стр.

Ил. 2. Архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон (Беллавин). Фотография, 1908 г. ГАЯО

Описывая богослужение на Крещение 6 января 1899 года, автор «Летописи» назвал водоем, куда отправился крестный ход для Великого освящения воды, «лужей», куда «соседние еврейские обитатели выливают помои и сбрасывают даже нечистоты». «Такой, по-видимому, важный крестный ход, – заключает Ляхоцкий, – вызывает не радость, а угнетение...».

Заслуживают внимания характеристики, которые автор «Летописи» давал сослуживцам – духовенству, и, прежде всего, руководителям епархии. С глубоким уважением и любовью Василий Федорович относился к архиепископу Холмскому и Варшавскому Флавиану (Городецкому). 3 сентября 1897 года владыка Флавиан «не счел за низость сделать визит псаломщику», т. е. побывать в квартире Ляхоцкого. Описывая прощальную службу архиепископа в Холмском соборе (владыка Флавиан был переведен в 1898 году в Грузию на должность экзарха), Ляхоцкий назвал Флавиана «любвеобильнейшим» и «благостнейшим»,

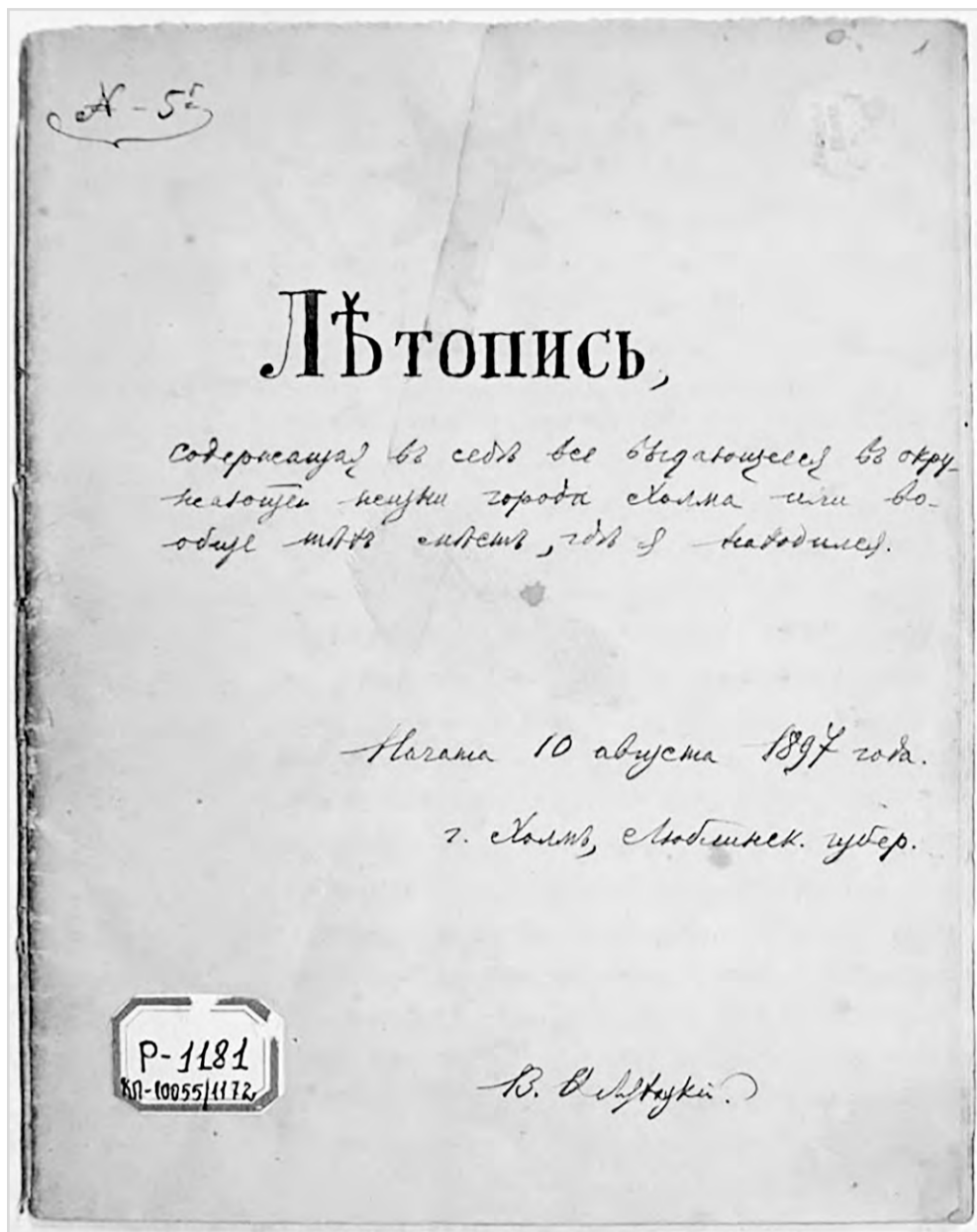
и записал, что «у многих» в связи с его отъездом «на глазах навернулись слезы». Впоследствии Василий Ляхоцкий перебрался в Грузию и там, под руководством митрополита Флавиана, принял монашество и священный сан.

Гораздо более сдержанно В. Ф. Ляхоцкий оценивал деятельность Тихона (Беллавина), которого он имел возможность наблюдать на должности ректора Холмской семинарии, а затем викария Холмской епархии. В 1897 году, когда архимандрит Тихон, как ректор семинарии, возглавлял Холмское Свято-Богородицкое братство, Василий Ляхоцкий назвал его в своем дневнике «монахом» «не понимающим жизни», «получающим множество денег и ничего не делающим... <...> в высшей степени зараженным эгоизмом». Когда Тихон был возведен в сан епископа, Ляхоцкий уже не допускал подобных выпадов, называя его в дневнике кратко – «архиереем» или «преосвященным». Описания богослужений, возглавляемых епископом Тихоном, напоминают краткую епархиальную хронику: «21 ноября. Торжественно отслужена епископом Тихоном литургия в соборе».

Вероятно, более тесные отношения между В. Ф. Ляхоцким и Тихоном (Беллавиным) установились позже, в тот период, когда последний занял должность архиепископа Ярославского и Ростовского. Обоим можно считать духовными чадами митрополита Флавиана (Городецкого), с которым Тихона связывала настоящая дружба.

Яркую отрицательную характеристику Василию Ляхоцкий дал преемнику епископа Тихона (Беллавина) – Герману (Иванову), назначенному викарием Холмской епархии осенью 1898 года. «Впрочем, теперь в богослужении соборном вообще не видно торжественности в виду сумасбродства архиерея. Это – молодой человек, выскочка, думая всех удивить собой и своим положением, дерет кверху нос, ругается, шумит, делает бессмысленные распоряжения и этим заставляет других суетиться, смотрит за другими, а не за собой... через что происходит везде путаница, беготня, а отсюда беспорядок...».

«Летопись» Василия Ляхоцкого, сохранившаяся в фондах Ростовского музея, является ценным историческим источником. В ней упомянуты известные церков-

Ил. 3. «Летопись» В. Ф. Ляхоцкого. Рукопись, конец XIX в. ГМЗРК

ные деятели (В. К. Саблер, Тихон (Беллавин), Сергей (Страгородский), Евлогий (Георгиевский), Владимир (Богоявленский) и др.). Помимо событий церковной истории «Летопись» отразила и общественную

жизнь эпохи. Для полноценного введения источника в научный оборот, расширения круга исследователей, необходима его публикация.

Дмитрий Леонов

Найден осколок колокола знаменитой Никитской колокольни

Более двадцати старинных каменных двухэтажных домов в ростовском селе Поречье-Рыбное являются объектами культурного наследия. У некоторых в последнее время появились новые домовладельцы.

Отрадно, что почти все приобретатели старинных домов осознают важность их сохранения, бережного отношения к этому нашему общему наследию.

Один из таких новых домовладельцев, Евгений, обладатель каменного двухэтажного дома крестьян Архиповых, что на ул. Центральной, д. 6, рассказал мне

о предпринимаемых действиях по сохранению дома и продемонстрировал свою уникальную находку.

Речь идет об осколке колокола со знаменитой Никитской колокольни. Он был обнаружен в небольшой коробочке, оставшейся в доме от прежних владельцев. Совершенно очевидно, что эту реликвию жители Поречья сохраняли почти целое столетие. Бронзовый осколок (15×16,2×6,4 см) является фрагментом сброшенного в 1930 году с колокольни и разбитом старинного колокола.

Александр Морозов

Ил. 1. Никитская колокольня в с. Поречье-Рыбное

Ил. 2. Осколок колокола Никитской колокольни. Фото, 2025 г.

По страницам газеты «Северный край»

Пожары и пожарное дело в Ростовском уезде в начале XX века

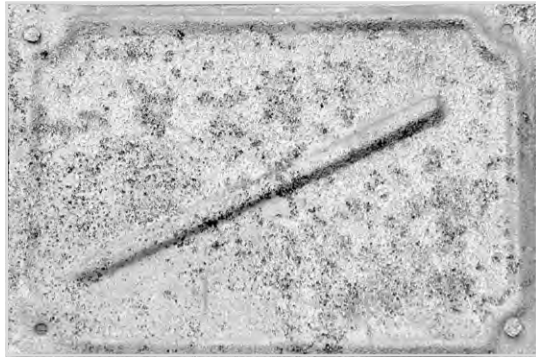
Пожары для деревни на протяжении всего времени ее существования являлись бедствием, сопровождавшимся значительными человеческими потерями и уничтожением имущества. Поставленные близко друг к другу дома и хозяйственно-бытовые постройки сооружались из высохших бревен и покрывались соломой или дранкой. Достаточно было малой искры из неисправной печи или трубы, упавшей непотушенной лучины, а позднее – и оставленной горячей керосиновой лампы, удара молнии, чтобы произошло возгорание.

В страдное время дети, старики, душевнобольные, часто остававшиеся бесконтрольными дома, могли, нарушив запреты старших, неумело воспользоваться спичками и были неспособны потушить разгоревшийся огонь. Нередки были специальные поджоги.

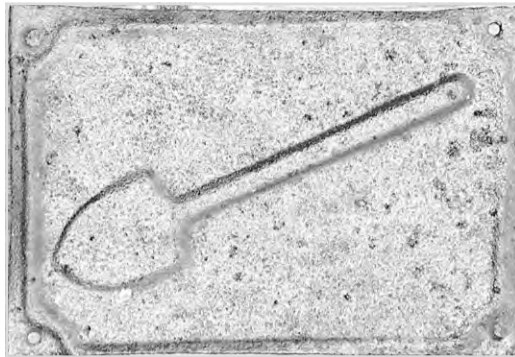
Трудно передать атмосферу горящей деревни. Треск полыхающего дерева, клочки летающей горячей соломой, метущиеся потемневшие от копоти люди, плачущие дети, рев коров и испуганное ржание лошадей – вот краткое описание деревенского бедствия.

На страницах «Северного края» (далее – СК) и продолжавших его изданий «Северная мысль» (далее – СМ), «Северные вести» (далее – СВ) и других часто публиковались сведения о пожарах в Ростовском уезде. В 1901 году «сгорело здание Воржского волостного правления со всем находящимся в нем имуществом и дома-

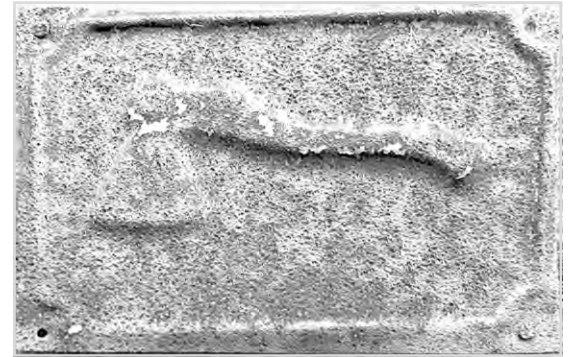
Ил. 1–3. Пожарные таблички на домах в д. Осветино Ильинского района Ивановской области (бывшего Ростовского уезда Ярославской губернии). Начало XX в. Фото Алексея В. Киселева, 2007 г.

Ил. 1. Пожарная табличка «Лом»

Ил. 2. Пожарная табличка «Лопата»

Ил. 3. Пожарная табличка «Топор»

ми волостного правления» (СК. № 113 от 01.05.1901). «В ночь на 12 апреля [1903 г.] погорело село Скнятино Ростовского уезда. Сгорело слишком 20 домов и другие постройки, причем пострадала от огня церковь» (СК. № 100 от 18.04.1903). «Чуден Ростов при заревах пожаров, – писал корреспондент в 1908 г. – Пожары каждый день. В двух-трех местах обязательно можно видеть. Горела Сулошь, горела Нажировка, Баскач, Новое, Воржа, Тормозова и т.д., и т.д.» (СВ. № 18 от 18.09.1908).

Авторы неоднократно сообщали об отчаянном положении, в котором оказывались погорельцы, толпами бродящие по окрестным селениям и улицам Ростова и просящие «скупное подавание». Вот как ростовский корреспондент описывал атмосферу местной пивной лавки: «В клубах табачного дыма с трудом можно разглядеть сидящие кругом столиков группы рабочих.

Шум, смех, пасхальные лобызанья... Входит группа крестьян в рваных полушубках с котомками за плечами: «На погорелое место! Пожертвуйте, православные!»

– Какой деревни? Борисовской? Знаем, знаем. Не по времени вы погорели...

– Пожертвуйте! Скотина вся пригорела!

Посетители дружно посыпали свои медяки» (СМ. № 17 от 08.04.1906).

В 1903 году был напечатан репортаж о пожаре в с. Скнятино-Языковых. 5 апреля в субботу на Пасхальной неделе в село пришли пастухи «порядиться» на летний период и, согласно обычаю, поставили «миру» вина. «Мир», представленный местными взрослыми крестьянами, отправился вместе с пастухами в казенную винную лавку, которая находилась в с. Деболы. Там состоялась большая попойка («кроме дарового вина, многие угостились на свои и одиночкой»), и только

поздно вечером крестьяне вернулись в родное село. К 10 часам вечера селение «спало мертвым сном», а к полуночи «вспыхнул пожар и в очень короткое время охватил пять смежных домов. Спавших едва могли добудиться». Вскоре загорелась церковь: «Железная дверь оказалась запертой. Прибывший из соседней деревни маляр связал две лестницы и по ним залез на крышу храма, откуда через разбитое окно и выломанную решетку ему удалось проникнуть в наполненный дымом храм. Этим путем и стали спасать церковную утварь». По подсчетам, ущерб церкви составлял «не менее» 10000 рублей, в то время как в церковной «казне» имелось всего 90 рублей. В этой ситуации архиепископ Ярославский и Ростовский Иоанфан распорядился начать с 16 апреля 1903 года сбор пожертвований на восстановление скнятинового храма «по подписному ли-

сту за № 3594», выданному местному священнику. Сообщали, что первое крупное пожертвование в размере 100 рублей сделал ярославский городской голова И. А. Вахромеев (СК. № 106 от 24.04.1903).

Октябрьской ночью 1903 года в д. Кладовицах произошел пожар на валено-сапожном заводе крестьянина А. А. Осорьина. Возгорание началось с кладовой завода, затем перекинулось на столовую, «угрожая не только другим заводским постройкам, но и крестьянским домам». Корреспондент писал, что в тушении пожара участвовали только рабочие завода, один из которых ярославский крестьянин Михаил Шишкин, страдавший пороком сердца, скончался. На помощь не явились жители деревни, «равно как не было и местной вольнопожарной дружины... бросились было за дружинной пожарной машиной, но ее на месте не оказалось,

и спустя долгое время машину нашли у кого-то в сарае». Кроме того, несмотря на «усиленный набат», никто не явился из соседнего с. Николо-Перевоза, «хотя в селе есть и пожарная дружина, и обоз». «Что бы это значило? – возмущался автор. – Для чего же организованы эти дружины? Чтобы числиться на бумаге?» (СК. № 284 от 29.10.1903).

Следует, однако, сказать, что в одном из последующих выпусков «Северного края» было опубликовано письмо, в котором очевидец кладовицкого пожара «удостоверял», что в его тушении принимали «действенное участие» жители с. Николо-Перевоза, доставившие «водоподатель». Кроме того, он сообщал, что в то время Николо-Перевозской вольнопожарной дружины еще не существовало; она была создана только 6 ноября 1903 года после губернаторского разрешения (СК. № 303 от 17.11.1903).

Продолжение – на 7-й стр.

Ил. 4. Макаровская вольная пожарная дружина. С. Макарово Ростовского уезда Ярославской губернии. Фото начала XX в. В первом ряду слева направо сидят 3-й, 4-й, 5-й – настоятель местной Предтечевской церкви Александр Хмельницкий, К. Е. Егорычев, В. В. Плешанов; во втором ряду 2-й справа с пожарным насосом в руках – С. М. Потемин. Фотография хранится в музее Семибратовской средней школы Ростовского района Ярославской области. Автор благодарит заведующую музеем М. С. Моторову за предоставленный фотодокумент

По страницам газеты «Северный край»

Пожары и пожарное дело в Ростовском уезде в начале XX века

Продолжение. Начало – на 6-й стр.

В газетных публикациях на «пожарную» тему не последнее внимание отдавалось проблемам организации и деятельности сельских вольно-пожарных дружин. 23 августа 1903 года была напечатана статья земского начальника 2-го участка Ростовского уезда М.А. Ошанина, в которой последний сообщал, что в южной части уезда существовало 14 дружин, «которые существуют не только по названию, но, действительно, вполне организованы и отлично действуют на пожарах» (СК. № 221 от 23.08.1903). Образцом «исправности» выступала вольная пожарная дружина д. Гологузова: вызванная «для учения в д. Ново-Ошанское, она прибыла удивительно быстро в составе одной трубы и хода с водоподдателем «Челленж» при 30-ти людях. В течение 5 минут труба встала на указанном месте в деревне и развернула свои

рукава, а повозка с «Челленжем» въехала в пруд на расстоянии 120 сажен от селения, соединила свои рукава с трубой, и обильная струя воды готова была к борьбе с огнем». После смены условия задания было приказано перенести «водоподатель» в отдаленный пруд. «В течение четверти часа «Челленж» был вывезен из пруда, рукава скатаны, все перевезено в другой пруд и установлено; и опять обильная струя воды появилась в деревне на расстоянии 180 сажен от пруда» (СК. № 221 от 23.08.1903). В заключение земский начальник сообщал, что, благодаря «быстроте» прибытия, исправности снаряжения, знанию членами дружин «своего дела и своего места», отличной распорядительности «дружинных старост», пожары прекращались, «не доходя до опустошительных размеров» (СК. № 221 от 23.08.1903).

В 2007 году производились натурные обследования селений бывшей Нажеровской волости (2-го земского участка) Ростовского уезда (в настоящее время – Ильинского района Ивановской области). На фасадах некоторых домов были обнаружены металлические таблички с изображением того пожарного инвентаря, который домохозяин должен был доставить в случае пожара (ил. 1, 2, 3).

Высокой оценки заслуживали организация и деятельность Макардовской вольной пожарной дружины Приимковской волости. В 1908 году в с. Макарове загорелась хозяйственная постройка; «явившаяся через несколько минут дружина прекратила пожар, и разбушевавшейся стихии не был дан дальнейший ход» (СВ. № 37 от 11.10.1908). В 1909 году в заметке о пожаре в с. Полянки Ярославского уезда (в настоящее

время – Ростовского района) обратили внимание, что местная вольная пожарная дружина «оказалась не на высоте своего положения», и из-за ее «бездеятельности» было уничтожено 4 дома. Негативной оценки удостоилось и участие здесь «дружинников» из соседнего с. Татищев-Погост Ростовского уезда, прибывших только «с лопатами и палками». Благодаря работе вольной пожарной дружины с. Макарво пожар был окончательно потушен (СВ. № 13 от 20.01.1909).

Макардовская вольная пожарная дружина характеризовалась как «хорошо организованная... под руководством опытного и энергичного пожарного старосты; может быть на месте пожара в несколько минут. Пожарные орудия всегда в исправности. Очередные крестьянские лошади всегда готовы к отъезду» (СВ. № 37 от 11.10.1908).

Дополнением к выше сказанному служат воспоминания участника Макардовской дружины Семена Михайловича Потемина, переданные словами его правнучки, учителя Семибратовской средней школы Светланы Георгиевны Потеминной (автор благодарит С.Г. Потемину за предоставленные сведения). Она рассказала, что дружина делилась на команды под управлением «звеньевого», каждая из них имела определенное поручение. «У наших задание состояло в соблюдении противопожарной безопасности. Они размечали пожарные пруды и следили за их содержанием, проверяли наличие песка и инвентаря для тушения пожаров, следили за расстоянием между постройками и междомовыми посадками... Под крышами должны были храниться крюки, топоры и веревки. У домов в доступном месте

должны были стоять бочки с водой. Были правила хранения дров и керосина, очистки печных труб. Хозяева домов должны были обеспечить места для въезда и стоянки пожарной техники... Нужны были особо обученные лошади». Несколько раз в год организовывались сборы, на которых «дружинники» «учились действовать быстро и слаженно» (ил. 4).

Итак, газетные публикации, посвященные «пожарному» вопросу в Ростовском уезде в начале XX века, содержали сообщения, различавшиеся как по объему (от кратких заметок до развернутых репортажей с мест событий), так и по оценке действий местного населения во время тушения пожаров. Использование других источников дополняет данные сведения и расширяет наши знания по этой теме.

Алексей Киселев

Водоснабжение Ростова Великого: страницы истории

Для снабжения Ростова водой купец Кекин провел в 1886 году водопровод, который передал городскому самоуправлению. Водозабор производился из реки Устье у села Никола-Перевоз в месте «трех вод», где реки Венкса и Устье соединяются в Которосль.

20 ноября 1937 года из-за резкого похолодания и порывистого ветра, направленного против течения по р. Устье, случилось необычное явление – обильное образование донного льда (шульги). Автор статьи вырос в одном из селений Ростовского района, расположенном на берегу Которосли, но такого названия ему слышать не приходилось. Местные жители называли этот лед «шульгой». Служба, ответственная за водоснабжение города, несколько «расслабилась» и оказалась неготовой к стихийному явлению природы, т.к., по словам старожил, в последний раз такое случилось на реке в 1915 году.

В результате закупорки водозабора ледяной массой «жизнь города была парализована... промышленные предприятия не работали, школы, больницы, и другие учреждения также не занимались... город погрузился в темноту». Ростовская коммунальная электростанция тоже использовала воду из горводопровода для охлаждения силовых установок, а поскольку ее подача в Ростов прекратилась, то во избежание еще одной аварии, подача электроэнергии была прекращена.

Работники ростовского водопровода не приняли необходимых мер для предупреждения подобных явлений. Не было «простейших установок для скорейшего образования ледяного покрова», они могли бы приостановить «движение» донного льда и предотвратить закупорку самотечных линий. На водоеме имелась только

Ил. 1. Здание машинного отделения водоканки на р. Устье, вид с северо-запада. Фото 1909 г.

одна небольшая «цепочка» из плавающих бревен, но из-за сильного ветра она не могла служить достаточной преградой для «поверхностного ледообразования». На месте водозабора отсутствовали «котельные установки» и электроводонагреватели, с помощью которых можно было поднять температуру воды, и тем самым предотвратить закупорку труб.

Из-за аварии Ростов 20 ноября 1937 года с 3 часов 10 мин. до 5 часов 21 ноября оставался без воды и электроэнергии. Впрочем, местным властям все же удалось 20 ноября обеспечить подачу воды в город, но только с 18 до 20 часов. Это стало возможным благодаря поступлению в водопроводную сеть «чистой воды» из резервуара, которую накопили в течение дня. Здание водоканки было построено высоким с практической целью. В верхней его части имелся накопительный

резервуар, из которого вода могла самотеком подаваться в Ростов.

Своими силами справиться с «внештатной ситуацией» не получилось. На помощь была вызвана специальная бригада из Ярославля в составе трех инженеров, двух водопроводчиков и энергетика. Прибывшие мастера хотя и работали при помощи пожарного насоса и обивали лед у «самотечной линии», между тем, аварию ликвидировали. И Управлению городского водопровода, в конце концов, удалось наладить подогрев воды у водозабора, но «только к концу аварии, когда надобность в этом совсем отпала».

После устранения «неполадки» по водоснабжению Ростова, заведующая Ярославским областным коммунальным хозяйством Гайшина и инженер по водопроводу и канализации Александров написали в Народный комиссариат коммунального хозяй-

ства (Москва, ул. Разина, 7) «докладную записку» об аварии водопровода на р. Которосль. Видимо, они не знали, что водозабор производился из р. Устье, поэтому ошибочно и указали другую реку.

Авторы «записки» подробно описали произошедшее на водозаборе и принятые меры для устранения. По вопросу дальнейшего использования «самотечных линий» водопровода отмечалось, что промыть их при «помощи насоса, обратной промывкой, невозможно, так как всасывающие линии не соединены ничем с самотечными». Говоря о больших расходах при эксплуатации городской электростанции, было также отмечено, что при малейшей поломке водопровода прекращала работу и электростанция. Вероятность выхода из строя водопровода увеличивала нагрузка на него, из-за соединения с очистными сооружениями на линии длиной 5,5 км, техническое

состояние которой также оставляло желать лучшего. Для исправления создавшегося положения предлагалось позаботиться о заборе воды на технические нужды из о. Неро. Виновных произошедшего персонально не называли, но поскольку была налицо «исключительно вопиющая халатность», то предлагалось привлечь к ответственности работников горводопровода.

Из Народного комиссариата коммунального хозяйства «записка» поступила в Ростовский горсовет, где документ был принят к сведению.

По мнению местных и областных властей на качество воды влияло близкое расположение сельского погоста на правом берегу р. Устье. Для обследования состояния водопровода при Ярославском областном исполнительном комитете в 1936 году была образована специальная комиссия. По результатам осмотра было рекомендовано закрыть некрополь в течение 3 лет и выделить место для нового водозабора за с. Никольское-на-Перевозе. Однако средств на его оборудование отпущено не было, а некрополь продолжал использоваться по прямому назначению.

Чтобы подвинуть местные власти к «действию», управляющий коммунальным трестом Москвин 22 декабря 1938 года написал председателю Ростовского районного исполкома Лещикову «докладную записку». В ней он отмечал, что погост на берегу р. Устье располагается выше водоканки с водозабором на 500 м. По мнению Москвина, вода, поступающая для снабжения города, не «гарантирована от попадания всевозможных вредных веществ, микроорганизмов разложившихся трупов, которые стекают из кладбища в реку Устье и попадают в водоводы водоканки». Автор «записки» предлагал,

во избежание эпидемических заболеваний, перенести кладбище с берега реки в более «отдаленное от водоканки место».

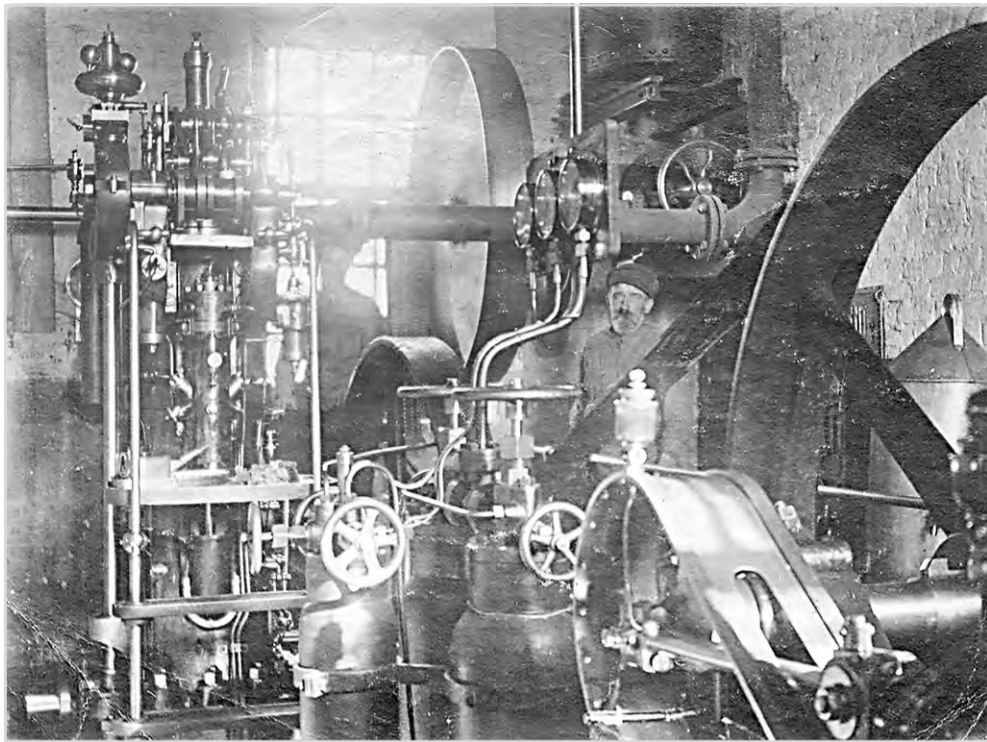
Видимо, обращение никаких «действий» не возымело, поэтому он 2 января 1939 года (на этот раз вместе с заведующим водопроводом Саксиним) написал еще одно письмо. Управляющий вновь обратился в райисполком с просьбой «поставить вопрос о закрытии кладбища в с. Николо-Перевоз в ближайшее время». Для проверки данных по распоряжению райисполкома была образована комиссия в составе санитарного врача района А.Е. Романова, председателя Блогостицкого сельсовета Л.А. Панчеиной и зав. городской водоканкой К.Н. Ревунова, которая после осмотра погоста 15 марта 1939 года составила акт. Из него можно узнать, что кладбище находилось при церкви с 1792 года, на время проверки занимало площадь 0,75 га, обнесено «железной изгородью» и «крайне переполнено», а во время весеннего паводка внешние и грунтовые воды стекают с погоста в Устье. В заключении к акту Романов указал на необходимость его закрытия.

20 марта 1939 года на очередном заседании Ростовского райисполкома было вынесено постановление о закрытии кладбища на берегу р. Устье с 1 ноября 1939 года, а до этого времени членам Блогостицкого и Козловского сельсоветов предлагалось принять меры к «оборудованию» нового. Общее собрание колхоза им. Пушкина под председательством В.В. Беспалова при обсуждении акта комиссии и предложения землеустроителя В.М. Успенского решило отвести под погост пожни в «поле № 2» площадью 1,5–2 га, западнее села и на удалении около 400 м.

Продолжение – на 8-й стр.

Водоснабжение Ростова Великого: страницы истории

Продолжение. Начало – на 7-й стр.

Ил. 2. Внутреннее устройство машинного отделения. На втором плане – обслуживающий персонал. Фото 1912 г.

Несмотря на решение закрыть храм Рождества Богородицы в с. Николо-Перевоз в начале 1931 года, богослужение в нем продолжалось. Однако гонения на Церковь со стороны новых властей сказывались на приходе – сокращалось количество прихожан и денежные поступления, которые использовались на ремонт храма и поддержание в добротном состоянии сельского некрополя. Увидев церковную ограду поломанной, председатель Белогостицкого сельсовета написал в исполком райсовета докладную записку о нарушении «церковной тройкой договора на молитвенное здание». Члены исполкома, рассмотрев на очередном заседании 21 мая 1940 года поступивший «сигнал», обязали «исполнительный орган религиозной общины» восстановить к 1 июля разрушенную

ограду, иначе договор с церковной общиной будет расторгнут, а дело передано в суд для взыскания причиненного ущерба. Членам «тройки» в таких условиях следить за состоянием храма, церковной ограды, некрополя было непросто. В конечном итоге и эта церковь в 1941 году пополнила длинный список закрытых церквей района. Из нее по акту от 16 июня 1948 года в храм с. Ново-Никольского была передана икона Казанской Божией Матери, а по акту от 8 октября 1956 года – еще несколько предметов церковного обихода.

После 22 июня 1941 года стало уделяться внимание и охране водопровода. Районный исполком 11 июля 1941 года обязал председателя Белогостицкого сельсовета Окутина организовать круглосуточное дежурство на участке

«полосы» слева от бывшего Суздальского тракта (старой дороги) до переезда к конторе «Заготскот», от построек Седьмова до Николо-Перевоз (средина села) и далее до водокачки. В обязанность постовых вменялась проверка документов, задержание подозрительных лиц, препровождение их в сельсовет или на ближайший «военизированный пост». Там запрещались рытье канав, котлованов, разведение костров, свалка мусора.

В первое послевоенное время водопроводная сеть была достаточно большой. Данные об этом содержатся в «Технико-эксплуатационном отчете по водопроводу за 1946 год», представленном городским коммунальным хозяйством (горкомхозом) в отчетно-статистический отдел планово-финансового управления Наркомхоза РСФСР. Тогда

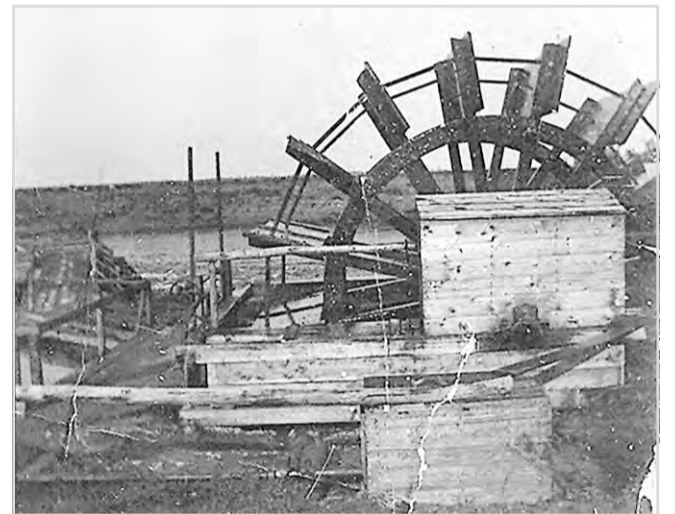
механизм водокачки приводился в движение за счет двигателей внутреннего сгорания, а не от использования паровой тяги и гидрэнергии, получаемой с водяного колеса. Общая протяженность водовода составляла 17,14 км, одиночной уличной водопроводной сети (без водоводов и вводов (ответвлений)) – 21,4 км, число всех уличных водоразборов (будок, колонок, кранов) – 20, водометров – 32 (4 на насосных станциях и 28 у абонентов), суточная «производительность водопровода» – 2500 куб. м, установленная производительность всех насосных станций 1-го подъема, в т.ч. рабочих насосов – 280 куб. м в час, расчетная пропускная способность отстойников – 217 куб. м в час, расчетная пропускная способность фильтров при скорости фильтрации 4,56 м в час – 128 куб. м в час, установленная производительность всех насосных станций 2-го подъема (в т.ч. рабочих насосов 235 куб. м в час) – 370 куб. м в час, поднято воды насосными станциями 1-го подъема – 928641 куб. м, из них населению «на питьевые и хозяйственные нужды» – 141372 куб. м, коммунально-бытовым предприятиям и учреждениям (столовым, баням, прачечным, коммунальным электростанциям, транспорту, канализации, на тушение пожаров, поливку улиц и пр.) – 354774 куб. м, промышленным предприятиям, железнодорожному транспорту, на строительство – 298579 куб. м, утечка составила 85934 куб. м, в течение года через очистные сооружения было пропущено 854747 куб. м воды.

Новый водозабор выше этого селения по течению р. Устье сделали только в середине 1950-х годов, но вода из него подавалась в Ростов для технических нужд (неочищенная). Очистка воды продолжалась производиться на прежней водокачке. В 1984 году там установили еще один водозабор, после чего старая водокачка, в месте «трех вод», была закрыта. Можно констатировать, что во второй половине 1930-х годов обеспечивать бесперебойную доставку воды в Ростов не всегда получалось – мешала неподготовленность к чрезвычайным ситуациям. Одна такая случилась в 1937 году, и устранить ее удалось только благодаря помощи из Ярославля. На качество воды влиял расположенный рядом с водозабором некрополь, который позже перенесли выше по течению р. Устье. К середине 1940-х годов водопровод имел достаточно большую сеть.

Константин Степанов

Ил. 3. Водяное колесо с лопастями на плотине р. Устье, вид с юго-востока. Фото 1909 г.

Ил. 4. Водяное колесо с лопастями на плотине р. Устье, вид с юго-запада. Фото 1909 г.

Археологические находки

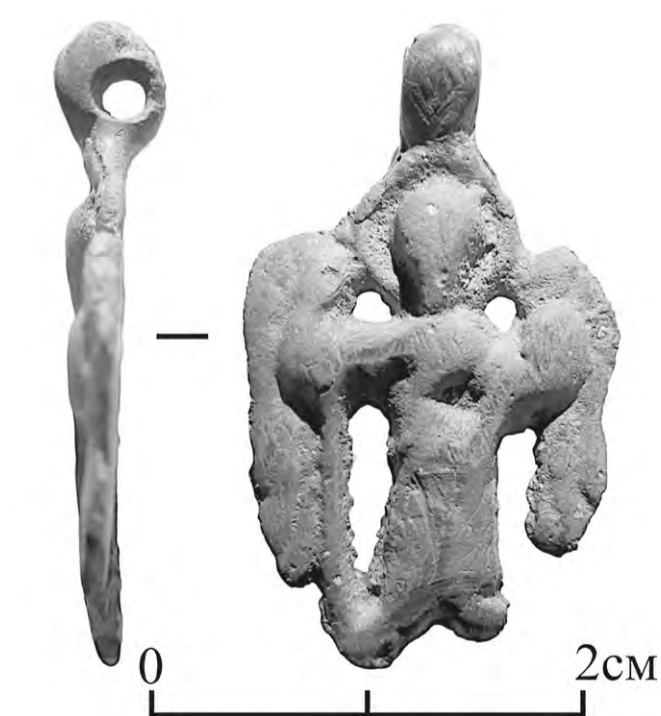
Древнерусская подвеска в виде архангела

Первые сведения о подвесках в виде архангела появились еще в конце XIX века. Но из-за редкости находок информация о них накапливалась медленно. Первая обобщающая статья о таких подвесках была издана лишь в 2012 году археологом Александром Остапенко. Он учел 29 предметов с территории Восточной Европы и разделил их по характеру изображения и размерам на четыре группы (археологи их называют типами).

В 2023 году вышла научная статья «Суздальские архангелы», написанная академиком Николаем Макаровым в соавторстве с Анастасией Федориной. В ней опубликованы предметы из Суздальского Ополя, обнаруженные в результате работы Суздальской экспедиции Института археологии Российской академии наук, и упомянуты новые находки из других регионов.

Всего известно более пятидесяти таких подвесок. Однако значительная часть из них (не менее 14 единиц) происходит из незаконных сборов на памятниках археологии. За 20 лет работы экспедиции Института археологии на селищах Суздальского Ополя обнаружено пять подвесок в виде архангелов. Все они датируются XII веком. Исследователи установили, что традиция изготовления таких подвесок пришла на Русь из Византии. Николай Макаров и Анастасия Федорина предположили, что их распространение могло быть связано с воинской средой, так как на тех же селищах обнаружены и предметы вооружения. Архангел Михаил изображен на знаменитом шлеме Ярослава Всеволодовича, который хранится в Оружейной палате Московского Кремля.

В Ростове и его окрестностях до недавнего времени

Ил. 1. Подвеска в виде архангела – памятник ростовской археологии X–XI вв. Из находок музея-заповедника «Ростовский кремль» в 2024 г.

не было известно ни одной подвески рассматриваемого типа. В ходе разведочных работ Археологического сектора музея-заповедника «Ростовский кремль» в 2024 году подвеска в виде архангела была обнаружена на левобережье Подорожского оврага у д. Ивановское на окраине памятника археологии, являющегося остатками поселения X–XI вв. (около 5 км на запад от Ростова) (ил. 1).

Подвеска отлита довольно небрежно из свинцово-оловянистого сплава по оттиску готового изделия. Ее длина 3 см, ширина 1,8 см, толщина от 0,1 см до 0,28 см. Толщина в районе ушка – 0,53 см. Диаметр отверстия для продевания шнура – 2,5 мм. В отличие от более качественных отливок, на нашей не видны складки одежды и разлиновка на крыльях. Обратная сторона гладкая. Изображение

следует сложившейся к тому времени в византийской и древнерусской иконографии архангела. Вокруг головы имеется нимб. В левой руке архангел держит зеркало, в правой – тонкий жезл.

Ближайшими аналогиями рассматриваемому предмету являются подвески-архангелы из Латвии и семь подвесок из незаконных сборов на памятниках археологии, учтенных в каталоге А. К. Станюковича. То есть наша находка является одной из немногих подвесок такого типа, имеющих археологический контекст. Исследования селища Ивановское 2 необходимо продолжить. Его особенностью является отсутствие материалов XII–XIII вв. среди сборов на поверхности современной раскопки.

Станислав Заздравных, Алексей Каретников, Вера Каретникова